

Глава 22. Давай спать вместе

Если делить на двоих, ещё можно наесться, но если на четверых — что там останется? Сяо Цянь-ши поняла, что от Гуань-ши так просто не отделаться, и, скрежетнув зубами, процедила:

— Ладно! Вижу, ты просто хочешь урвать кусок, так зачем шум поднимать? Забирай миску с мясом и проваливай.

Однако её было не так-то просто спровадить:

— Ещё хочу те мясные шарики. И вина отлей.

Её глаза метали громы и молнии:

— Это я всё принесла! Не наглей, и без того по-хорошему делюсь.

Собеседница холодно фыркнула:

— Жадина. Ладно, тогда я заберу вон тот кувшинчик, что поменьше.

Сяо Цянь-ши заартачилась:

— Ишь, чего захотела! Видно же, что вещица непростая, там наверняка лучшее вино припасено.

Не зря она его заметила.

Она лишь презрительно скривила губы:

— Ой, да брось ты. Твоим мужикам что хорошее вино, что помои — один бес, всё в глотку зальют, как в бездонную бочку. Мне просто кувшин приглянулся: он красивый, потом Синь-эр под белила или румяна приспособит. Неужто ты думала, я на саму выпивку позарилась?

Женщина призадумалась: а ведь и правда. Каким бы вкусным ни было вино, его там всего на несколько глотков, не то что в большом кувшине. Того Второму Лю на целый месяц хватит, если понемногу цедить — какая экономия!

— Ну ладно, — сдалась она. — Раз для Синь-эр, так и быть, уступлю как тётка.

Гуань-ши, заполучив желаемое, мгновенно сменила гнев на милость и расплылась в улыбке:

— Ну, тогда я от лица Синь-эр благодарю вторую невестку!

Глядя, как та, сияя от счастья, семенит к себе, Сяо Цянь-ши сплюнула ей вслед:

— Бесстыжая тварь, только и знает, что чужим добром поживиться.

Невестка, завладев и мясом, и вином, и не подумала делиться новостью с остальными. Она заперла добычу в шкаф, решив разогреть всё вечером и оставить часть на завтра. Сегодня Лю Тяньцзяо закатил пир — грех не покормиться за его счёт.

Лю Лаосань и не подозревал о хитростях жены. Вернувшись в комнату и увидев запертый шкаф, Третий Лю сразу смекнул: благоверная опять что-то припрятала. Привычным жестом он выудил из-под подушки маленький ключик и, открыв дверцу, едва не заплясал от радости. Полная миска тушеного мяса, гора мясных шариков — аромат стоял такой, что слюнки текли.

Его жена была бабой суровой, и Лаосань знал: если тронет её запасы, крику не оберешься. Мясо он трогать не посмел — ломтики лежали один к одному, исчезновение любого сразу бросилось бы в глаза.

Зато шарики... Мужчина принялся один за другим отправлять их в рот.

«Надо же, Тан Суй-ши и впрямь постаралась! — он довольно прижмурился. — Хрустящие, сочные, никакого привкуса залежалого жира — сразу видно, из свежайшей вырезки жарили. Целая миска... Это ж сколько денег на ветер пустили? Повезло всё-таки, что у меня жена такая пронырливая»

Где закуска, там и выпивка. Лаосань принялся шарить по полкам и в самой глубине наткнулся на заветный кувшинчик. Стоило ему откупорить крышку, как по комнате разлился густой, дурманящий аромат — от одного запаха голова пошла кругом.

Лю Лаосань сделал осторожный глоток и тут же округлил глаза.

«Доброе вино! Поистине, божественный нектар!»

Жили они небогато, и мужчина уже и забыть успел, когда в последний раз пробовал нечто подобное. Сдерживаться не было сил — в несколько глотков он осушил кувшин до дна. И почти сразу почувствовал, как по жилам разливается жар, а внутри вспыхивает пламя, требующее немедленного выхода. Не в силах совладать с собой, он тишком выскользнул из дома и направился на окраину деревни, к дому вдовы Цянь.

А в это время

В свадебных покоях новобрачные и не подозревали о чужих кознях. Вэй Вэнькан был твердо намерен проучить своего несносного мужа, который, казалось, вовсе не знал границ дозволенного. Сохраняя ледяное выражение лица, он обратился к Лю Тяньцзяо, который развалился на кровати, закинув ногу на ногу:

— У благородного человека и осанка должна быть благородной. Стоять подобает прямо, сидеть — чинно. Твой нынешний вид — вопиющее нарушение всех приличий.

Тот захлопал ресницами:

— Так я же лежу.

Юноша поперхнулся:

— ...Лежать тоже нужно правильно. На спине, вытянув ноги.

Гэ'эр надулся:

— Так я не усну.

Сюцай напустил на себя строгость:

— Привыкнешь — и уснешь. Как говорится: «В государстве — закон, в семье — устав». Сегодня мы установим правила нашего дома.

Тяньцзяо с любопытством приподнялся:

— И что за правила?

Вэй Вэнькан откашлялся:

— Первое и самое важное — благопристойность в поведении и сдержанность в речах. С окружающими следует вести себя приветливо, но не допускать излишней фамильярности...

— Стой! — Лю Тяньцзяо рывком сел на кровати, и в его глазах вспыхнул гнев. — Что ещё за сдержанность в речах? Что за «излишняя фамильярность»? Ты что, на сторону той старой карги встал? Вэй Вэнькан, я к тебе со всей душой, а ты, выходит, спелся с ними против меня? Я в тебе разочарован!

Юноша опешил от такой несправедливости:

— Да с чего ты взял, что я её защищаю? Я вовсе не...

— А что же тогда? Ты в глубине души меня презираешь, да? Считаешь грубым неучем, который тебя позорит? — парень распаялся всё сильнее. — Ну и пусть позорю! Зато при деньгах и при жизни. Слушай сюда, Вэй Вэнькан: это я тебя в дом ввёл, так что теперь ты — мой, и слушаться будешь меня. Если прознаю, что ты за моей спиной с этими из главного дома шуры-муры крутишь — из-под земли достану и шкуру спущу!

Как говорится: «Сюцай встретил солдата — словами не проймёшь». На лбу Вэнькана вздулась

вена, он не выдержал и рявкнул:

— Перестань нести чепуху! Я лишь хотел сказать, чтобы ты держался подальше от Шао Чжуана и этой компании!

После этого выкрика в комнате воцарилась неловкая, звенящая тишина.

Спустя долгое время Лю Тяньцзяо первым нарушил молчание:

— Это... ты что, ревнуешь?

Тот тут же пошёл на попятную:

— Какая ещё ревность! Я говорю о приличиях. Ты — гэ'эр, и в общении с мужчинами обязан соблюдать дистанцию, чтобы не давать повода для сплетен.

Тяньцзяо изобразил самое невинное лицо:

— А я и соблюдаю. Мы же только днём видимся, когда за криветками ходим. Что тут такого?

«Замечательная дистанция, нечего сказать»

Вэнькан сухо бросил:

— Раз у вас такие прекрасные отношения, почему же ты не выбрал кого-то из них, когда искал мужа?

Парень ответил со всей прямоотой:

— Так они не бедные. Отец говорил, что их матери ни за что не согласятся на такой брак.

«Значит, он и вправду об этом подумывал!»

Юноша почувствовал, как кровь приливает к голове от негодования:

— Стало быть, только я один такой нищий, что мне положено это невезение?

Муж поспешил его утешить:

— Вовсе нет! Ты хоть и слаб телом, но характер у тебя мужской. Видел бы ты себя, когда ты перед старостой за меня заступился!

Ярость в голове Вэнькана немного поутихла.

— Просто содержать тебя дороже, чем их. Ты и здоровьем слаб, и учиться тебе надо.

Вэй Вэнькан закрыл глаза.

«Если я продолжу с ним разговаривать, моё здоровье окончательно подорвется»

Тяньцзяо, видя, что супруг помрачнел и замолчал, почувствовал, что, возможно, перегнул палку. Он придвинулся ближе и заглянул сюцаю в лицо:

— Эй, ну не молчи. Может, поговорим о чём-нибудь?

Тот демонстративно отвернулся.

Но Лю Тяньцзяо не из тех, кто легко сдаётся. Он бесцеремонно схватил его за плечи и заставил повернуться. Несколько секунд он пристально вглядывался в черты юноши, пока тот не начал нервно ерзать, а затем Тяньцзяо вдруг прыснул со смеху:

— И почему ты такой красивый, а?

Вэй Вэнькан окончательно утратил самообладание, его лицо мгновенно стало пунцовым:

— Ты... как ты можешь такое говорить!

Улыбка гэ'эра стала ещё шире. Он едва сдержал желание коснуться гладкого, словно выточенного из нефрита подбородка.

— Обыкновенно говорю. Разве ты не красавец?

— Перестань, — выдавил юноша.

— А что ещё делать? Не спать же ложиться прямо сейчас.

«Спать? В одной постели с гэ'эром?»

В памяти Вэнькана всплыли двусмысленные описания из старых повестей, и ему стало не по себе. Он поспешно возразил:

— Нет, давай не будем спать. Давай... о чём-нибудь другом.

Тяньцзяо задумался:

— Ну, можно обсудить впечатления от свадьбы. У меня их нет, а у тебя?

Вэнькан вздохнул:

— У меня тоже. Только шум да суета.

— Вот и я о том же! — подхватил Тяньцзяо. — Я, может, раз в жизни женюсь, а эта старая ведьма весь праздник испоганила. Прямо сейчас пошёл бы и врезал ей как следует.

Услышав слова «раз в жизни женюсь», юноша тоже почувствовал досаду на Старуху Лю. Он всерьёз прикинул, можно ли выйти и проучить её, но, здраво рассудив, понял, что это невозможно.

— Боюсь, нельзя, — с сожалением произнес он. — Она в годах, если с ней что случится — замучаешься серебром откупаться.

Гэ'эр не сдавался:

— А если я легонько?

Вэй Вэнькан ответил со всей серьёзностью:

— Даже если легонько, она прикинется больной и потащит тебя в управу за нарушение сыновьего почтения.

Тяньцзяо пришлось признать его правоту.

— И как же мне тогда её наказать?

Вэнькан на мгновение задумался:

— Сходи в храм, поставь свечу. Попроси Будду, чтобы он помог ей поскорее отойти в лучший мир.

Лю Тяньцзяо расхохотался:

— Парень, а ты не промах! Острый у тебя язык.

Тот лишь пожал плечами, не понимая, что тут смешного — он лишь констатировал факт.

Гэ'эр посмеялся ещё немного, но, не встретив поддержки, притих.

— Эх, был бы жив мой папаша... Он бы долго не рассуждал — просто поколотил бы Второго Лю и остальных. Те к побоям привычные, да и денег на лечение просить побоялись бы.

Вэй Вэнькан невольно согласился: когда Лю Лаода был жив, всё и впрямь было иначе.

А снаружи

Пир шел своим чередом. Поскольку хозяином дома был гэ'эр, новобрачные не выходили к гостям, и роль распорядителя взял на себя Старик Лю со своими сыновьями, расхаживая повсюду с важным видом.

Вот только приглашены были лишь те, кто был близок к Лю Лаода или самому Тяньцзяо. К семейству из главного дома здесь никто симпатии не питал, так что на их речи отвечали лишь сухими кивками да вежливым бормотанием.

Старик Лю, почувствовав, что его ни во что не ставят, разгневался. Почти не притронувшись к еде, он под каким-то предлогом сбежал домой, втайне надеясь, что его кинутся уговаривать вернуться. Но пир закончился, гости разошлись, его собственные домочадцы вернулись сытые и довольные, а о нём никто и не вспомнил.

Живот Старика Лю урчал от голода. Вспоминая свадебные яства, он понял, что его демарш вышел ему боком. Вернуться сейчас и попросить поесть не позволяла гордость, так что он лишь в очередной раз проклял Тяньцзяо за то, что тот даже свадьбу не может устроить без того, чтобы не расстроить деда.

Старуха Лю прожила с ним полжизни и насквозь видела все его капризы. Но после того, как он прилюдно на неё прикрикнул, она хоть и помалкивала, но обиду затаила. Холодно глядя, как старик мечет громы и молнии, пока не выбился из сил и не заснул, она дождалась своего часа. Лишь когда в доме всё затихло, она достала принесенные невесткой деликатесы и в свое удовольствие принялась за еду.

У детей нос самый чуткий. Младший сын Четвертого Лю, почуяв вкусный запах, доносившийся с кухни, пулей влетел внутрь. Увидев бабушку, он тут же спросил:

— Бабуль, а бабуль! Ты тоже чувствуешь, как мясом пахнет?

<http://bllate.org/book/15343/1372758>